

стываетъ, гдѣ онъ заблуждался, въ чемъ *наши* уклоненія и, черезъ провѣрку на простомъ народѣ своего міросозерцанія, обрѣтетъ *вновь* все потерянное, начиная съ самаго себя,—сдѣлается-таки, наконецъ, этимъ «самимъ собою», не сомнѣвающимся уже болѣе, что ему дѣлать, зачѣмъ жить!... Все вернется къ нему вновь, но вернется уже получившимъ другое, высшее освѣщеніе: вернется къ нему его дѣтская и юношеская вѣра въ Бога, въ нравственное совершенствованіе, въ значеніе и смыслъ здѣшней жизни, но примется имъ все это теперь уже сознательно, какъ цѣль, какъ смыслъ жизни—единственные, никакою случайностью «предстоящей ему и неизбежной смерти» не уничтожимые, ибо онъ пойметъ и убѣдится въ томъ, что

Жизнь хороша, а мы были гадки!...

Скажемъ ли мы, однако, что онъ вернулся къ примитивнымъ формамъ той самой естественной непосредственности, которая ему столь привлекательной казалась прежде въ массѣ? скажемъ ли, что міросозерцаніе его, выработанное долгою и упорною борьбою слилось *безъ остатка* съ міросозерцаніемъ этой массы, что смыслъ жизни сталъ имъ исповѣдываться буквально также, какъ онъ понимается грубою массой, что гармонія вѣрованій и дѣйствій, столь поразившая его въ бытѣ «простыхъ рабочихъ людей», сдѣлалась для него столь же легко и бессознательно достижимой, какъ и для массы? Нѣтъ! Мы скажемъ, что, напротивъ, теперь онъ можетъ, завѣдомо для самого себя, отрицаясь всѣхъ пройденныхъ стадій своего развитія, какъ ненужныхъ, отрицаясь культуры нашей и всѣхъ «баловствъ» ея,—достигнуть, *благодаря только* именно пройденному самимъ пути, той безконечно высшей ступени, гдѣ онъ уже *переболѣлъ* насъ,—любитъ и жалѣетъ насъ, гдѣ поручкой ему этой высоты достигнутой